

Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 12-53.

ПОЧЕМУ ПУБЛИКУЕТСЯ ЭТОТ СБОРНИК В РОССИИ СЕЙЧАС?

Это представление русскому читателю работ французских ученых по анализу дискурса должно было бы произойти лет двадцать назад, тем не менее и теперь не поздно связать заново нить оборванного или растянутого по времени диалога и восстановить контакт между французскими и русскими исследователями, лингвистами, философами и историками, которые равным образом задумываются о том, как истолковывать прочитываемые тексты.

Препятствия на пути к этому диалогу велики. Еще двадцать лет назад вера французской левой интеллигенции в неизбежность социальной революции любопытным образом сочеталась с полным незнанием вопросов, которые задавали себе их советские коллеги. С другой стороны, значительные потрясения французской интеллектуальной жизни после «событий» мая 1968 года, в которой все более важное место занимали психоанализ, лингвистика и тема «смерти субъекта», практически обходились молчанием в советских публикациях. Что касается неофициальных, личных контактов между исследователями, находящимися по разные стороны уродливого и оскорбительного «железного занавеса», то они были весьма ограниченными.

Чтобы возобновить этот надолго прерванный диалог, необходимо напомнить русскому читателю об одном этапе французской интеллектуальной жизни, который, как нам думается, имеет не столько исторический интерес, сколько может навести на актуальные размышления о контрастах, расхождениях и схождениях среди гуманитарных и общественных наук в обеих странах.

Теперь, когда только от нас, французских и русских исследователей, зависит, сумеем ли мы найти слова, чтобы снова разговаривать друг с другом, выясняется, что трудности на пути к диалогу тем не менее остаются.

Возникает проблема языка. Если раньше в России, как и в других странах, французский язык имел репутацию «языка ясности», то следует признать, что ситуация усложнилась за пятнадцатилетие, следующее за 1968 годом. Стиль французской интеллигенции 70-х годов трудный, витиеватый. Вторжение психоанализа в культурную жизнь Франции, его быстрое «освоение» приучили людей к тому, что они должны уделять большое внимание словам, «играть» со словами, предполагать в них постоянно какой-то скрытый смысл; многие были настолько зачарованы стилем Ж. Лакана, что имитировали его языковые особенности. Этот стиль практически неприводим на иностранный язык, поскольку все его размышления основаны именно на непрозрачности языка. С другой стороны, это время во Франции характеризуется головокружительным изобретением неологизмов. Теоретические дискуссии воспламеняли интеллигенцию. Лекции Р. Барта, М. Фуко собирали толпы слушателей в прокуренных аудиториях, где часами дебатировались вопросы семиотики, эпистемологии или дискурса. Язык текстов, представленных в данном сборнике, несет отпечаток этих страстных поисков; их чтение поэтому оказывается нелегким, а их перевод потребовал длительного времени и напряжения.

Возникает также проблема уместности политической рефлексии. Русские читатели могут отнестись по-разному к отдельным утверждениям, которые в настоящее время кажутся устаревшими. Естественно, мало кто в сегодняшней Франции рискнет писать о

«классовой борьбе в теории», используя выражение философа Альтюссера. Но если русский читатель согласится оставить без внимания такого рода безапелляционные формулировки, он найдет новый подход к проблеме смысла и прочтения, пересмотр многих устоявшихся идей о прозрачности языка. Он найдет также выход из оптимистической, но наивной альтернативы между истиной и ложью, которая как будто состоит в том, что достаточно «сказать правду», и все политические проблемы исчезнут как по мановению волшебной палочки.

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Анализ дискурса (далее — А.Д.) во Франции зародился в 60-е годы под знаком соединения лингвистики, марксистской философии Луи Альтюссера и психоанализа. Уже одно это обстоятельство показывает, насколько отношения между различными научными дисциплинами во Франции отличались от положения в СССР.

ТЕОРИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ: «Я» И «ДРУГОЙ»

В середине 50-х годов языковед Э. Бенвенист, известный до того времени своими трудами по индоевропеистике, опубликовал серию статей, которые затем были сгруппированы под общим названием «Человек в языке». Он показал, например, что система времен французского глагола пересекается демаркационной линией, противопоставляющей времена «повествования» (*récit*), абсолютно независимые от пространственно-временных координат говорящего, и времена «речи» (*discours*), которые интерпретируются только в соответствии с этими координатами. В повествовании, по сути дела, нет «лица», в то время как речь целиком включена в отношения между первым лицом, которое производит высказывание, вторым лицом, которому адресовано сообщение, и третьим лицом, которое, не участвуя в самом акте говорения, тем не менее присутствует. Говорящий субъект был, таким образом, введен непосредственно в язык благодаря конкретным, материальным показателям его присутствия. Следует отметить, что это различие наблюдается особенно четко именно во французском языке. Ему соответствует, по выражению Бенвениста, чрезвычайно развитой «формальный аппарат». Систематическое разграничение дейктических и анафорических элементов прослеживается в значительно большей степени, чем в русском языке. Например, во французском языке существует систематическая оппозиция обозначений «предыдущего дня» в речи: «вчера» (*hier*) — и в повествовании: «накануне» (*la veille*); то же самое для парных обозначений «завтра / на следующий день» (*demain / le lendemain*), «сегодня / в тот день» (*maintenant / ce jour-là*). В пространственных координатах также противопоставляются «здесь / там» (*ici / là*). Для обозначения этого явления Бенвенист ввел термин *énonciation*. По-русски принято его переводить как «акт высказывания» или просто «высказывание», что ведет за собой немало трудностей, когда его приходится противопоставлять термину *énoncé*, который тоже переводится как «высказывание» или «высказывание-результат».

Характерным для теории высказывания является то, что центральное место в лингвистическом размышлении занимает субъект в языке, в отличие от прагматической теории, где рассматривается лишь только отправитель речи в его отношении к получателю или к ситуации речи.

Данная теория основывается на различении высказывания как реализованного объекта, высказывания-результата (*énoncé*) и высказывания как акта производства (*énonciation*). Основной интерес этой теории заключается в самом процессе высказывания, а именно: каким образом проявляет себя субъект в том, что он говорит.

Показатели указанного проявления имеют разную природу: это главным образом такие слова, как «я», «здесь», «сейчас», «клянусь», «обещаю». Бенвенист называет их показателями дейксиса, они «прицепляют» высказывание-результат ко времени, к месту, к обстоятельствам акта высказывания.

Исследования показателей высказывания установили, что существуют некоторые языковые формы, которые могут быть определены только через их употребление субъектом акта высказывания. Эти исследования положили начало теоретическому, эксплицитному и систематическому размышлению о субъективности в языке. Языковая коммуникация определяется, исходя из этого, только как следствие основного свойства языка: свойства формирования субъекта высказывания. Это свойство показывает способность говорящего конституироваться как субъект. Следует подчеркнуть, что говорящий (*locuteur*) существует реально, как таковой, и при этом он говорит. Субъект же высказывания (*énonciateur*) приобретает существование только потому и только тогда, когда он говорит. Он образуется в акте высказывания и не существует до этого акта. Он представляет собой категорию дискурса, «реальность речи» в отличие от говорящего индивидуума из плоти и крови.

Именно из этого свойства субъекта вытекает категория «лица». Говорящий во время акта говорения присваивает себе формы, которыми располагает его родной язык, и соотносит эти формы с собственным лицом, определяя самого себя (как «я») и своего собеседника (как «ты»). Это соотношение между участниками речевой коммуникации составляет языковую основу субъективности.

Таким образом, язык не только средство общения и средство выражения мысли, он также играет решающую роль в формировании лица.

Так после эпохи чистого структурализма в 60-е годы во Франции благодаря работам Бенвениста и отчасти работам Якобсона возникает теория высказывания. Проблематику этой теории составляет вопрос о производстве высказывания-результата субъектом акта высказывания. Именно в этом смысле данная проблематика занимает главное место в исследованиях по дискурсу.

Однако теория высказывания неоднозначна, она может быть понята как новое утверждение картезианского субъекта, субъекта психологического, субъекта неразделенного, целиком владеющего своим языком и своими коммуникативными намерениями и тем самым абсолютного хозяина над смыслом, который он хочет придать своим словам. Именно этот последний постулат оспаривается А. Д.: нельзя быть абсолютным хозяином смысла высказывания, история и бессознательное вносят свою непрозрачность в наивное представление о прозрачности смысла для говорящего субъекта.

УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ А.Д. ВО ФРАНЦИИ

«Французская школа А.Д.» возникла в 60-е годы, в первую очередь как попытка устранить недостатки «контент-анализа», применявшегося в то время в гуманитарных науках, особенно распространенного в Соединенных Штатах.

Являясь методом обработки информации, контент-анализ предполагает упорядочивание поверхностного разнообразия текстов, открывая тем самым возможность их сравнения и исчисления. Содержание документов при контент-анализе распределяется по схеме, узловые элементы которой, как правило, не имеют соотношения с собственно

текстовыми и языковыми моментами. Исходя из этого, особую важность приобретает операция трансформации, которая позволяет представить по чисто дистрибутивным признакам вывод о том, что синтаксические структуры, которые на первый взгляд кажутся различными, могут обладать глубинным родством. Таким образом достигается преодоление буквального восприятия текста. Исчисление и упорядочение данных связываются при этом с необходимостью обработки многочисленных сведений, определяемых как показатели для некоторой социальной реальности: это могут быть газетные подборки, опросы общественного мнения и др. В отличие от контент-анализа А.Д. не изучает словесные материалы только как средства передачи информации, А.Д. ставит целью воспринимать эти материалы как тексты. Таким образом, если при контент-анализе тексты являются прозрачными для представлений людей, которые они призваны отражать, то А.Д., напротив, принимает к сведению их непрозрачность, отказываясь от их непосредственного проецирования на недискурсную реальность. Интерпретация текста в А.Д. должна принимать во внимание способ функционирования дискурсов, никогда не отвлекаясь от точки зрения, которая выбирается за исходную. Отсюда вытекает основное противопоставление между контент-анализом, который утверждает себя как совокупность второстепенных технических приемов для общественных наук, и А.Д., который стремится превращаться в подлинную дисциплину текстового анализа.

С другой стороны, следует учитывать культурные корни дисциплины, которая является результатом соединения в рамках определенной традиции дидактической практики и интеллектуальной обстановки.

Под традицией мы здесь имеем в виду ту общую для Западной Европы и России традицию, которая постоянно сочетала историю с размышлением над текстами. Отчетливое проявление этого находим в формулировке филологического проекта в начале XIX века:

Филологию назвали «самым трудным из искусств чтения». Иначе говоря, филология призвана определить содержание документа, написанного на естественном языке, филолог стремится познать, какой смысл хотел передать или какое намерение хотел высказать тот, чье слово сохранилось в письменном виде. Он стремится также проникнуть в культуру и в среду, в которых появился изучаемый текст, и понять условия, которые предопределили его появление. Чаще всего речь идет о древних письменных памятниках, хотя филологический метод может быть применен и для интерпретации современных текстов. Наука о языке в строгом смысле этого слова [...] для филолога есть не что иное, как совокупность приемов для выяснения смысла, который скрывает написанное или сказанное слово, т.е. филология — только служанка других наук. Она обслуживает историков права, религии, литературы, а также философов, которые хотят интерпретировать тексты.

С иными предпосылками, но А.Д. занял значительную часть территории, не занятой этой традиционной филологией.

Дидактическая практика, на которую опирался А.Д., — это разбор текстов, представленный во Франции совокупностью приемов школьных и университетских методик. Франция является страной, в которой литература и ее преподавание играли большую роль, именно поэтому во Франции А.Д. требовал искусства чтения, сходного с разбором текста, практикуемым преподавателями французского языка в старших классах школ. Разумеется, А.Д. не явился простым продолжением этого школьного упражнения, но он неоспоримо уходит в него своими корнями.

Интеллектуальной средой, в которой сформировался А.Д., послужило структуралистское направление 60-х годов. И здесь следует особо отметить роль в литературе структурализма, который находился тогда в своем зените. Ссылаясь на наследие русских формалистов в рассмотрении текстов в их имманентности, это движение действительно подготовило почву для изучения «дискурса», которое порывало с традиционной филологией. Вокруг структурализма сформировалось новое размышление над «письмом» (l'écriture), которое объединяло лингвистику, психоанализ Лакана и философию Альтюссера. Психоанализ позволяет избежать ловушки кажущихся неопровержимыми фактов социальной психологии. По этой именно причине, наряду с другими, марксистские философы школы Альтюссера выступали за теоретическое сближение с психоанализом в противоположность его извечному осуждению в качестве реакционной идеологии» Французской компартией.

Альтюссер читал «Капитал», используя методы фрейдовской интерпретации снов.

Только со времени Фрейда мы начали подозревать, что «слушать», соответственно, «говорить» (а также «молчать») может означать; мы начали предполагать, что это «может означать» при говорении и слушании вскрывает под невинной формой глубину двойного дна, особое «может означать» в дискурсе бессознательного, формальные проявления этого двойного дна и изучаются современной лингвистикой в механизмах речевого общения.

А.Д. развивался в среде исследователей (историков, лингвистов и, в меньшей степени, психологов и социологов), охваченных указанной тройной сферой влияния, для которых идеи Альтюссера играли определяющую роль.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ФОН: АЛЬТЮССЕР, Ж. ЛАКАН, М. ФУКО

Трудно было бы объяснить возникновение А.Д. во Франции, ссылаясь только на веяние времени. Чтобы такого рода явление приняло характер закономерного, должны быть известная доля мечты и властное ощущение неотложности, которые по необходимости исходят из интеллектуального начинания, обладающего двигательной силой, эти качества были присущи альтюссеризму, занимавшему господствующее положение во Франции после 1968 года.

Л. Альтюссер ставил задачей придать марксизму твердую основу, соединяя его с французской эпистемологической традицией и со структурализмом. При этом, чтобы не основывать марксизм на сознании людей, он пытался заменить постгегельянскую философию «праксиса» эпистемологией, и эта замена принимала окраску «антигуманизма» (напомним, сколь актуальной для этого времени была тема «смерти субъекта»).

Альтюссер утверждал тем самым непримиримый характер разрыва между наукой и идеологией. Диалектическому материализму надлежало создать условия научного дискурса, свободного от идеологии, эпистемология которого должна была бы совпадать с марксистской философией. Для Альтюссера эта эпистемология уже нашла свое воплощение в «Капитале», который следовало читать, т.е. интерпретировать как особое событие в истории наук. В своем «Капитале» Маркс, по утверждению Альтюссера, уже осуществил «эпистемологический перелом», даже если его эксплицитное мышление в некоторых аспектах еще оставалось пропитанным историцизмом, гуманизмом и гегельянством, т.е. идеологией. Указанное несоответствие между философией и научной практикой требовало адекватного прочтения текста Маркса, которое способно было бы отделить новую науку от «эпистемологических помех».

Возникла потребность определить науку об идеологии, основной составляющей которой должен был стать А.Д. Теории Альтюссера надлежало изучить «воображаемую деформацию», которую претерпевают «реальные отношения» между людьми и их положением в обществе, когда эти отношения превращаются в идеологические представления. Эта теория исходила из того, что указанная деформация вытекает из некоторых постоянных процессов, функционирование которых предстояло выяснить

Следует отметить, что во Франции слово «идеология» имеет множество значений, которые могут указывать на разнообразные и весьма непохожие друг на друга явления. В самом широком смысле «идеология» обозначает любой языковой и — еще шире — любой семиотический факт, который интерпретируется в свете социальных интересов и в котором узакониваются социальные значимости в их исторической обусловленности, — имеется в виду, таким образом, рассмотрение фактов, в которых наблюдается их неадекватность эмпирическому миру в силу их искажения или упущения, в которых усматривается ложный, необъективный и / или химерический характер и в которых устанавливается тем самым ложность, иными словами — «ненаучность», для приверженцев сциентистской идеологии.

Это определение восходит к «Немецкой идеологии» Маркса и Энгельса, в которой идеология определяется как «воображаемое отношение людей к условиям их существования». Не следует, таким образом, понимать это слово в том значении, в котором оно имеет наибольшее распространение в русском языке, а именно как «организованная система идей».

Во Франции 60-х и 70-х годов исследователи «эры подозрения» (выражение Натали Саррот) были единодушны в том, что социальные дискурсы, «высказываемое» (*le choses dites*), никогда не бывают нейтральными или «невинными» и какое-нибудь высказывание литературного характера, например «Маркиза вышла в пять часов», не менее идеологично, чем высказывание «Франция французам». Не существует высказывания (ни символа, ни общественного поступка), в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения.

И здесь вступает в действие лингвистика. Обращение к лингвистике обусловлено двумя причинами. Прежде всего относительная независимость, которую структурализм признавал за языком, предполагала подчинение языковым законам вместо непосредственного обращения к социально-экономическим инстанциям. Кроме того, среди гуманитарных наук лингвистика имела репутацию науки, которая самым решительным образом осуществила «эпистемологический перелом», то есть отрыв от собственной идеологии, что в конечном итоге и определяет подлинную научность. И тем самым лингвистика могла способствовать образованию подлинно научного Анализа дискурса.

Но для того, чтобы понять генезис А.Д., следует также учитывать другой фактор, в равной степени основополагающий, а именно фактор психоанализа, рассматриваемого как «возвращение к Фрейду» в том смысле, в каком определял его в то время Лакан. В альтюссеризме идеология действительно заняла то место, которое в психоанализе отводилось иллюзии независимости и нерасщепленности сознания.

Принято считать, что идеология принадлежит области «сознания» [...]. На самом деле идеология имеет весьма мало общего с «сознанием», даже если предположить, что данный термин понимается однозначно. Идеология является в глубинном понимании бессознательной, даже когда она представляется (как это было в домарксистской «философии») в эксплицитной форме.

Со времени Маркса мы знаем, что человек-субъект, экономическое, политическое или философское эго не является «центром» истории, — мы знаем также, что, вопреки мнению философов Просвещения и Гегеля, история не имеет «центра», но обладает структурой, которая обнаруживает необходимый ей центр только в идеологическом незнании. Фрейд в свою очередь открыл нам, что реальный субъект, индивидуум в его особом существовании, не имеет облика эго, центрированного «на себя», на «сознание», на «существование» будь то существование для себя, телесное существование или «поведенческое» существование, — человек-субъект децентрирован, он формируется в структуре, «центром» которой является только воображаемое незнание «себя». Субъект формируется в идеологических формациях, с которыми он себя «отождествляет».

Из сказанного вытекает, что в альтюссеризме явственным образом соединились психоанализ, марксизм и структурализм через тезис о ложном сознании.

Не следует поэтому, как это часто все еще делается в школьном и университетском преподавании, ставить целью анализа определение подлинного, единственного значения, надо научиться читать множественность и разнообразие значений. Однозначность текста и зеркальное отношение «означающее / означаемое» одновременно подвергаются сомнению. Процесс чтения не является, таким образом, как это слишком часто думают, пассивным или невинным; он составляет активный фактор динамики смысла.

Формально название «анализ дискурса» — это перенос на французский язык термина *discours analysis*, который обозначает метод, примененный американским лингвистом З. Харрисом для распространения дистрибутивного подхода на свсрхфразовые единицы. Но мало сказать, что это так, чтобы объяснить, почему данное наименование сразу же получило поддержку и широкую популярность. Много спорилось об обоснованности понятия «дискурс», но почти не говорилось о понятии «анализ», которое в целом было воспринято как некий вариант термина «изучение». На самом деле данный анализ вполне соответствует своему обозначению. Во-первых, потому, что «анализ» Харриса, основанный на так называемом «т.к.» — тесте коммутации, вписывается в структуралистские рамки разложения дискурса на части, во-вторых, потому, что в этом эпистемологическом контексте А.Д. утверждает себя именно как анализ (= психоанализ), применяемый по отношению к текстам. Один и тот же термин «анализ» распространяется, таким образом, на лингвистический, текстовый и психоаналитический уровни.

Чтобы «вскрыть нескрытое в самом тексте», надо было «соотнести его с другим текстом, присутствующим в нем через необходимое отсутствие», а именно с идеологией. Такая двойственность является привычной для психоанализа, который умеет раскрыть «под невинностью говорения и слушания скрытую глубинность [...] иного, совершенно другого дискурса, дискурса бессознательного». В конце своей статьи «Фрейд и Лакан» Альтюссер призывал, таким образом, к «лучшему пониманию указанной структуры незнания, которая должна интересовать в первую очередь любое исследование по идеологии». Опираясь на научность лингвистики и на менее твердую научность исторического материализма, следовало раскрыть фундаментальную неустойчивость текстов, которые являются продуктами идеологической работы так же, как сон является

продуктом психической работы, подчиняющейся определенным законам. Идет ли речь о неосознанных интересах желания или об интересах какого-либо социального класса, в обоих случаях «аналитик» должен был иметь в качестве предмета своего исследования процесс формирования иллюзии.

В этой связи А.Д. во Франции стремился создать технику чтения текста, приспособленную для указанной задачи. Социально-политическая активность и научный интерес слились здесь воедино: изучение процесса идеологической «деформации» в дискурсе означало работу по осуществлению демистификации, которая в свою очередь является началом преобразования общества. Много размышлялось о том, что при своем зарождении французская школа была почти целиком повернута на политические тексты. Но следует правильно понимать, что в рамках альтюссеррианской школы выражение «анализ политического дискурса» является в известной степени избыточным: поскольку дискурсивность определяется внутри идеологии, всякий дискурс, взятый за предмет анализа, должен по сути своей входить в область политики.

Период, непосредственно следующий за «событиями мая 1968 года», становится ключевым моментом для развития А.Д. Следует отметить при этом три основных исследовательских центра: кафедру лингвистики Университета Париж-Х-Нантерр, возглавляемую Жаном Дюбуа; Центр политической лексикометрии в Высшей Школе Сен-Клу; исследование «автоматического анализа дискурса», предпринятое Мишелем Пешё в лаборатории социальной психологии Университета Париж-VII, объединенного с Государственным центром научных исследований (CNRS). К этим трем центрам надо прибавить работу более индивидуального характера Жана-Пьера Фая, касающуюся соседней теоретической области, в которой марксизм и лингвистика объединялись в размышлении о политической власти дискурса.

В то время как группа Сен-Клу разрабатывает аппарат информатики для изучения лексики листовок студенческих движений мая 1968 года, исследователи в Нантерре обращаются к политическому дискурсу с помощью метода, который получил неточное название «анализа по Харрису». В свою очередь М. Пешё обращает информатику на службу дискурсивной семантике, опираясь на определенные положения психоанализа Лакана. В тесном сотрудничестве с Альтюссером деятельность М. Пешё оказывается одновременно направленной против позитивизма, доминирующего в социальной психологии, и внутри своего лагеря против тех коммунистов, которые по тем или иным причинам отвергают психоанализ. В 1969 году выходит в свет 13-й номер журнала «Langages», под заголовком «Анализ дискурса», подготовленный к публикации в Нантеррском университете; в это же время издается книга М. Пешё «Автоматический анализ дискурса». Две эти публикации обозначают в некотором смысле официальный акт рождения новой дисциплины.

1969 год является также годом выхода в свет «Археологии знания» Мишеля Фуко, которая открывает для А.Д. пути, отличные от направления альтюссерризма. Совпадение в датах не случайно. Если остается бесспорным, что альтюссеррианское движение дало решительный импульс для А.Д. настолько, что для некоторых исследователей оно казалось его единственным законным проявлением, то на самом деле этим не ограничивается размышление о дискурсе. Оно позволяет также осознать, каким образом А.Д. послужил отеснению альтюссеррианской проблематики. Но если влияние Фуко и было значительным, оно оставалось тем не менее в определенной степени подспудным, поскольку автор «Археологии» не позаботился о разработке эксплицитных методологических приемов.

В то время как альтюссеррианское направление стремится выловить скрытые силы, заложенные в текстах, Фуко скорее отстаивает концепцию дискурса как механизма высказывания и как институционального механизма, что отвергает всякий поиск скрытого смысла. К этому прибавляется расхождение, касающееся типов текстовых корпусов, служащих отправными точками исследования: «Археологию знания» интересуют не высказывания политического характера, а скорее высказывания «научного» (медицина, экономика) или «институционального» характера (внутренние режимы больниц, протоколы судебных процессов и т.д.). Развитие исследований по высказыванию и прагматике сопровождалось все более нарастающим интересом к теории Фуко, что закономерным образом сочеталось с определением ослаблением внимания к теории психоанализа.

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ И РАЗНООБРАЗИЕ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА «ДИСКУРС»

С конца 60-х годов ситуация значительным образом изменилась. В то время как А.Д. в этот период, опираясь на лингвистику и психоанализ Лакана, борется за внедрение новой проблематики на территории, которая еще в широком масштабе подвластна контент-анализу и филологии, в начале 90-х годов наблюдается быстрый рост исследований, относящих себя к «анализу дискурса», что затрудняет установление границ между А.Д. и другими научными подходами с тем же названием.

Следует признать при этом, что сам термин дискурс получает множество применений. Он означает, в частности:

1° эквивалент понятия «речь» в сосюрвовском смысле, т.е. любое конкретное высказывание;

2° единица, по размеру превосходящая фразу, высказывание в глобальном смысле; то, что является предметом исследования «грамматики текста», которая изучает последовательность отдельных высказываний;

3° в рамках теорий высказывания или прагматики «дискурсом» называют воздействие высказывания на его получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию (что подразумевает субъекта высказывания, адресата, момент и определенное место высказывания);

4° при специализации значения 3 «дискурс» обозначает беседу, рассматриваемую как основной тип высказывания;

5° у Бенвениста «дискурсом» называется речь, присваиваемая говорящим, в противоположность «повествованию», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания;

6° иногда противопоставляются язык и речь (*langue / discours*) как, с одной стороны, система мало дифференцированных виртуальных значимостей и, с другой, как диверсификация на поверхностном уровне, связанная с разнообразием употреблений, присущих языковым единицам. Различается, таким образом, исследование элемента «в языке» и его исследование «в речи»;

7° термин «дискурс» часто употребляется также для обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции. Так, когда речь идет о

«феминистском дискурсе» или об «административном дискурсе», рассматривается не отдельный частный корпус, а определенный тип высказывания, который предполагается вообще присущим феминисткам или администрации;

8° по традиции А.Д. определяет свой предмет исследования, разграничивая высказывание и дискурс:

Высказывание — это последовательность фраз, заключенных между двумя семантическими пробелами, двумя остановками в коммуникации; дискурс — это высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет. Таким образом, взгляд на текст с позиции его структурирования «в языке» определяет данный текст как высказывание; лингвистическое исследование условий производства текста определяет его как «дискурс».

В силу этого дискурс для А.Д. отнюдь не является первичным и эмпирическим объектом: имеется в виду теоретический (конструированный) объект, который побуждает к измышлению об отношении между языком и идеологией. Понятие дискурса открывает трудный путь между чисто лингвистическим подходом, который основывается на признанном забвении истории, и подходом, который растворяет язык в идеологии.

СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ А.Д.

А.Д. оказывается в ситуации значительно менее комфортной, чем в начале своего существования, когда развитие исследований по прагматике и грамматике текста было еще столь ограниченным, что А.Д. мог действовать на территории, почти незанятой. А теперь, когда эта территория стала одной из самых популярных для гуманитарных наук во Франции, А.Д. вынужден точнее эксплицировать границы своего распространения.

Предмет исследования А.Д. составляют, таким образом, в основном высказывания, т.е. тексты в полном смысле этого термина:

— произведенные в институциональных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания;

— наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью.

Имеются в виду, следовательно, высказывания, сложный и относительно устойчивый способ структурирования которых обладает значимостью для определенного коллектива, т.е. анализируются тексты, которые содержат разделяемые убеждения, вызываемые или усиливаемые ими, иными словами, тексты, которые предполагают позицию в дискурсном поле. Корпус текстов при этом рассматривается не сам по себе, а как одна из частей признанного социального института, который «определяет для данной социальной, экономической, географической или лингвистической сферы условия действия актов высказывания».

Основной метод А.Д. имеет целью привести к позиционному единству рассеянное множество высказываний. При этом А.Д. отличается от других дисциплин характером принципа, который кладется в основу этой перегруппировки. Для А.Д. действенным является не формальный критерий, в частности типологического порядка, но отношение к месту акта высказывания, позволяющее выявить то, что вслед за «археологией знания» М. Фуко получило название «дискурсной формации». Не проповеди как проповеди и не политические листовки как политические листовки интересуют А.Д. В А.Д. исследуется

совокупность проповедей или листовок в том смысле, в котором они указывают в социальном плане на определенную идентичность в процессе высказывания, исторически очерчиваемую. Чаще всего дискурсная формация соответствует не одному-единственному жанру, а объединяет несколько жанров (листовки, манифесты, газетные статьи...).

Перегруппировка высказываний, производимая А.Д., соответствует определенной концепции «точки зарождения» акта высказывания. Эта точка понимается не как субъективная форма, а как позиция, в которой на уровне, интересующем А.Д., субъекты высказывания могут быть взаимозаменяемы. Фуко объясняет данное положение следующим образом:

Описать высказывание — не означает анализировать отношения между автором высказывания и тем, что он сказал (или хотел сказать, или сказал, не желая); это означает определить, какова позиция, которую может и должен занять любой индивид, чтобы быть субъектом данного высказывания.

Постулировать, что высказыватель дискурсной формации не говорит «от своего имени», что он не может основывать свою речь на субъективности, — это означает предполагать, что он имеет статус субъекта высказывания, который определяется той дискурсной формацией, в которую он попадает. Сказанное не означает, что для каждой дискурсной формации должна была бы существовать одна, и только одна, законная позиция в процессе высказывания, поскольку совокупность высказываний, соотносимых с одной и той же позицией, может распределяться по нескольким дискурсным жанрам. Но если аналитик должен принимать во внимание это разнообразие, он обязан понимать его следующим образом: разнообразие жанров дискурсной формации отнюдь не является случайным возникновением при наличии ядра с устойчивым смыслом, оно способствует определению его характеристики.

Указанные положения предполагают наличие специфических институтов производства и распространения дискурсов. Под «институтами» надо понимать не только такие наиболее типичные структуры, каковыми являются армия или Церковь, но и любой организм, который накладывает ограничения на действие высказывательной функции; это может быть статус субъекта высказывания и статус адресата, это могут быть типы содержания того, что можно и должно говорить, а также обстоятельства акта высказывания, законные для той или иной позиции.

ИНТЕРДИСКУРС

В проблематике А.Д. дискурсная формация тем не менее не занимает всеобъемлющую часть исследовательского поля. Сторонники этого положения утверждают примат интердискурсивности, отвергая тем самым другой научный подход, рассматривающий дискурсивную формацию как совершенно замкнутое целое.

Формулировать указанный принцип не просто, ибо за утверждением его неизменности скрываются различные толкования. Очевидно одно, данный принцип исключает непригодную для интердискурсивности форму, каковой является сравнение, т.е. контрастное соположение дискурсивных формаций, рассматриваемых независимо одна от другой. Предметом исследования А.Д. служит не столько сама по себе дискурсивная формация, сколько границы ее образования. Идентификация дискурсивных формаций не является за данной, она образуется в процессе, осуществление которого происходит одновременно с возникновением и стабилизацией некоего очертания высказывания. Процесс высказывания не развивается по линии намерения, замкнутого на своем

собственном желании, как это утверждалось бы в прагматике или в персоналистском толковании высказывания, он насквозь пронизан угрозой смещения смысла. И это невидимое и одновременно назойливое присутствие постоянно удваивает нормальное высказывание с самого момента его возникновения. Невозможно было бы, таким образом, отделить интрадискурсивность от интердискурсивности, поскольку отношение к «другому» является разновидностью отношения к самому себе, которое никогда не может быть абсолютно замкнутым.

Отсюда возникает определенная концепция смысла. Семантическая единица не может образовываться как постоянная и однородная проекция «коммуникативного намерения», она образуется скорее как некий узел в конфликтном пространстве, как некоторая, всегда неокончательная стабилизация в игре разнообразных сил. За определенной семантической единицей необходимо восстанавливать движение высказывания, которое под двойным нажимом уже сказанного и говоримого должно учитывать требования и языка и интердискурса. В то время как лингвистика имеет дело с неговоримым (*l'indicible*) в форме невозможного (неграмматического), А.Д. имеет дело с невысказываемым (*l'inénonçable*), с тем, что не может быть высказано в определенной высказывательной позиции. Речь идет о специфических ограничениях, которые уменьшают выбор того, что можно сказать. С учетом примата интердискурса невысказываемое определяется как то, что постоянно отсутствует в дискурсивной формации и позволяет при этом очертить ее границы, то, что отделяет в воображении данную дискурсивную формацию от целого.

А.Д., ИСТОРИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Социальная история в концепции школы Анналов, занимавшая почти господствующее положение в конце 60-х годов, сильной стороной которой был количественный анализ, не выдвигала тем не менее проблемы собственно текстуализации, которую она создавала, и еще меньше ее заботило значимое измерение корпусов исследования. Эта история была слепа к непрозрачности языка.

Начиная с 1968 года некоторые историки, как, например, Режи Робен, обратились к поискам новых приемов чтения текстов, позволявших охватить большое количество документов, среди которых можно было бы вычленивать повторяемость, вариантность, сходство и т.д. Эти историки пытались найти у лингвистов методы работы с текстами, способные дать ответы на поставленные ими вопросы.

Несмотря на активное сопротивление со стороны профессиональных историков, исследователи, занимающиеся формами мышления и формами представления, в частности Роже Шартье, Робер Мандру, Мишель Вовель, а также исследователи политической истории, как, например, Антуан Прост, стали мало-помалу проявлять интерес к работам по политическому дискурсу. Становилось все более очевидным, что при анализе дискурса следовало принимать во внимание фактор материальности языка.

Вот почему А.Д. постоянно определял свой метод исследования со ссылкой на лингвистику. Методологический аппарат А.Д. обогатился благодаря знакомству с трудами Ролана Барта, Эмиля Бенвениста и Жерара Женетта еще до расцвета эпохи теории высказывания в середине 70-х годов. Стало понятным, что в дискурсе представляет большой интерес изучение «цитации», повторяемости чужой речи, ее уклонения, ее изменения, равно как и изучение аргументационных стратегий эксплицитного или имплицитного характера.

Однако недостаточно констатировать, что некий текст состоит из слов, чтобы из этого сделать вывод о том, что изучение текста в первую очередь имеет отношение к лингвистике, а не к какой-либо другой дисциплине.

Для А.Д. всегда существует опасность обращения к социальным и психологическим категориям, непосредственно извлекаемым из интерпретации текстов, минуя хитроумный анализ различных тонкостей языка. Обращение к лингвистике означало, что с ее помощью можно лучше воспринимать дискурсные процессы в соответствии с целями, которые ставил перед собой А.Д. Таким образом, если в момент становления А.Д. обращение к лингвистике казалось очевидным (разве лингвистика не играла в то время роль «ведущей науки?»), то впоследствии возникла необходимость уточнений, ибо задачи А.Д. стали намного превосходить задачи лингвистики. Как это справедливо подчеркивал Ж.-Ж. Куртин, в А.Д. «надо быть лингвистом и одновременно перестать им быть».

С одной стороны, дискурсность архива определяет «собственный порядок, отличный от материальности языка», с другой стороны, этот порядок «реализуется в языке». Нестабильная ситуация, которая не позволяет А.Д. покинуть пространство лингвистики, не позволяет ему и замкнуться в тех или иных собственных пределах. Эта ситуация имеет несколько парадоксальные последствия: в то время как А.Д. никогда, по сути дела, не вторгается в поле лингвистики, он в то же время требует от занимающихся им разнообразных и довольно точных знаний функционирования языка в массиве текстов, которые предполагается исследовать.

В А.Д. невозможно механически «применять» лингвистические понятия и методы. Изучая тексты, аналитик не имеет никаких оснований для преимущественного рассмотрения одного явления в ущерб какому-либо другому. Если аналитик изучает определенный способ именной суффиксации, или определенную синтаксическую операцию, или определенный лексический корпус, то он исходит при этом только из гипотез, основанных одновременно на точном знании особенностей своего предмета и возможностей, которые, по его мнению, а priori может предоставить рассмотрение данных элементов языка. Чтобы быть эффективной, конкретная процедура анализа в А.Д. предполагает выработку строго определенных гипотез, которые последующее исследование позволит подтвердить или отвергнуть. В противном случае возникнет риск получить ничего не значащий вывод: слепо применяя какой-либо лингвистический метод анализа к различным текстам, исследователь достигает результата, о котором можно сказать только, что это результат применения данного анализа к данным текстам... Лингвистика привлекается в таком случае только как доказательство научности исследования, с ее помощью не создается реальных знаний о предмете.

Этот опосредованный характер отношения исследователя к своему предмету проявляется через не-эмпирическую трактовку предполагаемых текстуальных «данных». Установление границ архивного документа не происходит, разумеется, само по себе, оно требует дискурсного и экстрадискурсного знания. В зависимости от поставленных целей исследователь может извлечь различные корпуса из дискурсной поверхности (корпус слов, корпус фраз того или иного типа и т.д.) и подвергнуть их определенным манипуляциям и обработке. Расчленение этих корпусов на части зависит от выбранного метода анализа. Постепенно все большую значимость для определения этих методов в А.Д. стали приобретать критерии, являющиеся внутренними по отношению к дискурсу. Элементы, казавшиеся а priori важными по причинам социоисторического характера, оказывались на самом деле незначимыми для изучаемого текста. Отнюдь не выступая последовательно одно за другим, различные знания о тексте, на которые опирается А.Д.,

должны быть соединены, взаимно корректируя друг друга, по мере развития исследования. При отсутствии этого результат анализа может оказаться простой проекцией изначальных экстрадискурсивных гипотез.

Как бы то ни было, существенными при этом остались два момента: интерес к языковым проявлениям субъективности, который был отодвинут на второй план в исследовании Соссюра, а также критика языковой семантики с ее универсалистскими тенденциями.

2. А.Д. В ШКОЛЕ МИШЕЛЯ ПЕШЁ И РАБОТЫ ДАННОГО СБОРНИКА

Вопрос о дискурсе явился подлинным узловым пунктом сплетения фундаментальных вопросов об отношениях между языком, историей и субъектом.

Попытаемся представить движение теоретической мысли, которая зародилась во Франции в обстановке 60-х годов под знаком «стыковки», как это тогда называлось, трех «китов»: Лингвистики, Исторического материализма и Психоанализа. Смелые дерзания мысли, великие интеллектуальные замыслы казались возможными в эпоху, когда структурализм торжествовал, когда лингвистическая «наука» добилась решительных успехов, когда альтюссерианский марксизм потрясал тяжеловесные основы коммунистической ортодоксальности, обновив размышление об идеологии, и «позволял» открыть выход на психоанализ (см. статью Альтюссера «Фрейд и Лакан», 1964). Понятие дискурса и связанный с этим понятием анализ зародились в обстановке теоретической мысли собственно французского содержания и создали условия для возникновения как бы «поперечного» по отношению к общему направлению научного подхода.

Опишем это интеллектуальное созидание со всеми его переделками, изгибами, критическими поправками и с его наивысшей точкой, которой стала книга Мишеля Пешё «*Les vérités de La Palice*» («Прописные истины»), вышедшая в свет в 1975 году.

Интеллектуальное движение, о котором идет речь, на полном ходу столкнулось с крутым переломом в теоретической мысли Франции (се зарождение следует отнести к 1975 году), который в свою очередь связан с разрывом единой программы левых сил. Этот перелом тесно сочетался с обесценением политической сферы, с отступлением в сферу частного, с возвращением субъекта.

В книге «Прописные истины» М. Пешё, опираясь на работу Альтюссера, затрагивал параллелизм между очевидностью смысла и очевидностью субъекта. Вопрос о субъекте дискурса оказался связанным с вопросом об обращении субъекта в идеологии и с настойчивым поиском соотношения с субъектом бессознательного. Теория дискурса в рамках теории идеологий формировалась так же, как теория материальности смысла, которая стремилась обосновать феномен необходимой иллюзии субъекта, воображающего (себе), что он является властелином своей речи и источником того, что он говорит.

В трудах М. Пешё и его группы постепенно пересматривалась идея полного, без срывов и осечек, подчинения субъекта: если субъект так сильно подчинен, если «это всегда так», то как следует представлять «подавляемые идеологии» и сопротивление?

В исходных позициях этого подхода главное было сохранено: три основных понятия — интердискурс, преконструкт и интрадискурс, — которые утверждали мысль о том, что дискурс образуется из дискурсивного всегда-уже-здесь существовавшего, что «оно

говорит» всегда «до, вне, независимым образом» и что «неутвержденная предикация предшествует и господствует над утвержденной предикацией».

М. Пешё в строгом смысле слова не создал школы. Однако он способствовал выработке понятий и процедуры анализа новой дисциплины во Франции и в других странах, в частности в Латинской Америке. Парадоксально, что при этом впоследствии во Франции А. Д. стал чем-то обыденным, он утратил значение взрыва, которым обладал при своем возникновении. Тем не менее осталась проблематика, которая при дальнейшем разрабатывании с позиций М. Пешё направлялась на создание дискурсных объектов под тройным напряжением: системности языка, историчности и интердискурсивности. В более глубоком смысле М. Пешё был по своей исследовательской манере современником М. Фуко, Ж. Лакана и Ж. Деррида. Его труд отражал идеи всех тех ученых, которые занимались речевой деятельностью и проблемой языка в его отношении к субъекту и истории.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ А.Д. ВО ФРАНЦИИ

В 1969 году выходит в свет книга М. Пешё с провокационным названием: «Автоматический анализ дискурса». Речь идет о первоначальном наброске фундаментальной работы над текстами, их прочтением и смыслом. Размышляя, как и философы Г. Кангилем и Л. Альтюссер, над вопросами истории наук и идеологии, М. Пешё разрабатывает критику гуманитарных и общественных наук. Деятельность Пешё проходит в эпоху широкого распространения наук, которые называют гуманитарными, особенно социальной психологии. М. Пешё главным образом оспаривает право называть наукой дисциплины, которые, будучи сосредоточены на психологическом субъекте, не признают или не хотят признавать их связи с идеологией и которые к тому же претендуют на прерогативы научности, заимствуя методики у статистики и лингвистики. Введение в книгу Пешё открывается критикой указанных методик, имеются в виду подсчеты частотности и варианты контент-анализа, в нем же подвергается критике применение структурализма в самых разнообразных областях знаний. В противовес всему этому предлагаемое исследование М. Пешё должно стать, по мнению автора, «машиной для чтения», которая освободит процесс чтения от субъективности. Разрабатывается, таким образом, теория дискурса, способная стать общей теорией производства эффектов значения, связанной с теорией идеологии и с теорией бессознательного.

Три имени появляются с этого момента в работе Пешё, объединяемых под шутовым названием «Тройственное согласие»: Маркс, Фрейд и Соссюр.

И с этого времени дискурс определяется как понятие, которое нельзя смешивать ни с эмпирической речью, производимой субъектом, ни с текстом: это понятие ниспровергает всякую узкокоммуникативную концепцию языка. Становится понятным при этом, почему так важно отношение А.Д. к Соссюру. В отличие от социолингвистических проблематик дискурс, созданный Пешё, ни в коей мере не является «преодолением» соссюровской дихотомии язык / речь.

Основа положения, которое в терминах эпистемологии того времени Пешё называет «соссюровским переломом», кроется в представлении языка как системы. И когда он излагает свою концепцию значения, он имеет в виду соссюровскую значимость. Но симметрия соссюровской дихотомии язык / речь, по мнению Пешё, является ложной. «Все происходит, — пишет он, — как если бы научная лингвистика (имея своим предметом язык) отбрасывала в качестве ненужного остатка научное понятие свободного субъекта, мыслимого в качестве обязательной изначальной стороны, необходимого

коррелята системы». Пешё представляет дискурс как новое формулирование соссюрговской речи, освобожденное от субъективных импликаций. С этого момента вырабатывается основное положение, которое не будет подвергаться изменениям: следует постоянно придерживаться точки пересечения языка, рассматриваемого в строго соссюрговском понимании системы и ограничений, несводимых к лингвистическому порядку, как и к психологическому, картезианскому, свободному субъекту.

Ограничением при производстве дискурса является все то, что помимо языка делает некий дискурс определенным дискурсом; таким образом, имеется в виду формирующая дискурс социально-историческая ткань. Текст, целостность которого отсылает к элементу, связанному с одним каким-либо субъектом или с одним каким-либо институциональным организмом, оказывается распыленным. Текст обладает значением только в соответствии с условиями его производства, а также и в соответствии с условиями его толкования. Текст, вопреки обычным представлениям, не формируется связующими его элементами. Здесь, таким образом, впервые формулируется мысль, которая станет центральной в развитии А.Д., мысль о том, что не-высказанное, имплицитное является составным во всяком дискурсе. Эта мысль приведет к выработке понятия «интердискурс».

К началу 70-х годов становится очевидным, что проблематику высказывания уже нельзя игнорировать. Речь идет не о той ее психологизирующей форме, которая преобладала в прагматике, при которой «субъект» считался властелином своих коммуникативных намерений, вступающим в контакт с другими субъектами при вербальном взаимодействии, имелось в виду, напротив, рассуждение о стирании субъекта высказывания. Это рассуждение противостояло любой возможной типологии, поскольку оно вскрывало способность идеологических дискурсов к подражанию научному дискурсу. В это время также выдвигается тезис об оппозиции утвержденной и неутвержденной предикации, которая лежит в основе главного положения о примате интердискурса над интрадискурсом.

В 1971 году в статье «Семантика и соссюрговский перелом: язык, речевая деятельность, речь» Пешё совместно с Кл. Арош и П. Анри вступает в область лингвистики, в частности посредством критики наивных очевидных истин семантики, будто бы находящейся внутри системы языка. Он также задается вопросом о неоднозначной роли ведущей науки, которую играет лингвистика для ряда других дисциплин. Предположение о неоправданности и метафоричности расширения лингвистических понятий на другие науки делает закономерным обращение к работе Соссюра, а именно к фундаментальному вопросу о том, что может дать лингвистика, когда речь идет о значении?

Пешё полагал, что основой «соссюрговского эпистемологического перелома» является подчинение значения значимости. Из двух терминов, соотношение между которыми не очень ясно представлено у Соссюра, Пешё связывает первый, значение, с речью и с субъектом, а второй, значимость, — с языком. Вопреки привычному для того времени прочтению Соссюра Пешё выделяет понятие значимости. Это прочтение отрывает язык от субъективных проблематик. Тем не менее текст «Курса общей лингвистики» позволяет в силу своей неоднозначности вернуться назад; в частности, например, когда речь идет о роли аналогии, которая, несмотря на усилия Соссюра соединить ее с языком, возвращает назад к речи и к индивидуальному субъекту.

Критикуя распространение структурализма на всю совокупность гуманитарных и общественных наук, Пешё отвергает универсальный метод «всестороннего анализа

человеческого духа», Науку наук, которая игнорирует главное: общественные отношения. Взамен этому предлагается дискурсная семантика. Значение, предмет семантики, превосходит компетенции лингвистики, науки о языке. Семантика не выводится только из лингвистики. Новое понимание основывается на глубинном интуитивном представлении о том, что системность в языке нельзя представлять как непрерывную совокупность разных уровней. За пределами фонологического, морфологического и синтаксического уровней, описание которых позволяет сосюрская теория, семантика не является еще одним уровнем, аналогичным предыдущим. Это объясняется тем, что «связь, которая существует между "значениями", присущими данному тексту, и социально-историческими условиями возникновения этого текста, является отнюдь не второстепенной, а составляющей сами эти значения». Теория Пешё направлена одновременно и против постсосюрской структуральной семантики, перенесшей фонологическую модель в область смысла, и против универсальных семантик, основанных на генеративной теории. Таким образом, дискурс эксплицитно связывается с идеологией: «Идеологические формации [...] содержат по необходимости в качестве своих составных частей одну или несколько взаимосвязанных дискурсных формаций, которые определяют то, что может и должно быть сказано (в форме наставления, проповеди, памфлета, доклада, программы и т.д.) в соответствии с определенной позицией и при определенных обстоятельствах» (процитированная статья).

Здесь следует отметить, что в июне 1970 года в журнале «La Pensée» публикуется статья Л. Альтюссера «Идеология и государственные идеологические аппараты». Статья имела особое значение для интеллектуального мира Франции. Она снабдила новым интеллектуальным инструментарием всех тех, кто занимался изучением социальных отношений. С одной стороны, идеологический аппарат рассматривался как средство, способствующее воспроизводству производственных отношений в руках господствующего класса и тем самым позволяющее представить материальность идеологий внутри самого функционирования институциональных организмов. С другой стороны, Альтюссер с помощью теории «обращения» выдвинул новую категорию: категорию субъекта идеологии.

Напомним русскому читателю, что французское слово *sujet* переводится на русский язык как «сюжет», «субъект», «подлежащее» и «подданный». Три последних значения взаимно налагаются друг на друга при употреблении Альтюссером слова *sujet*.

Вернемся к теории М. Пешё. Рассуждения Пешё о дискурсе подвели его непосредственно к точке пересечения языка и идеологии, при этом идеология образовывала «посреднический уровень между индивидуальным своеобразием и универсальностью». Исследователи, занимающиеся дискурсом, все без исключения утверждали самостоятельное существование дискурсного уровня, в противоположность исследованиям, которые признавали только существование языка или смешивали дискурс с идеологией. Ранее, разрабатывая понятие дискурса, Пешё отвергал все, что возвращало к субъекту, все практические исследования и теории, которые принимали индивидуального субъекта за чистую монету. В своем аппарате автоматического анализа дискурса он предложил методику прочтения текста, взрывающую целостность пишущего или читающего субъекта. Вопрос о субъекте в его работах был основанием для критики, некой навязчивой идеей.

Статья Альтюссера с его тезисом о том, что «идеология превращает индивидов в субъектов», давала Пешё возможность провести параллель между очевидностью смысла текста и очевидностью субъекта. Сравните: «Как все очевидные истины, например: "Слово обозначает предмет" или "Слово обладает значением" (включая, таким образом,

очевидные истины, вытекающие из "прозрачности" языка), — очевидная истина, заключающаяся в том, что "Вы и я являемся субъектами" — и что это само собой разумеется, — представляет собой элементарный идеологический эффект» (Альтюссер).

Со стороны языка оставалось еще одно важное недостающее звено, которое позволило бы теории дискурса опираться на языковые явления. Таким недостающим звеном казался вопрос о преконструкте, который в свою очередь связывался с концептом интердискурса. Уже в своих первых трудах Пешё отмечал значение понятий пресуппозиции и импликации, разрабатываемых во Франции лингвистом Освальдом Дюкро. Тем самым закладывался первый камень в фундамент будущей теории; имелось в виду отношение дискурса к «уже услышанному», «уже имеющемуся». Именно понятие пресуппозиции послужило источником возникновения преконструкта М. Пешё и Поля Анри. Концепт преконструкта образовался из критического прочтения Г. Фреге и О. Дюкро. Пешё в книге «Прописные истины» (1975) и Поль Анри в книге «Плохой инструментарий: язык, субъект и дискурс» (1977) оспаривают позицию О. Дюкро по фундаментальным вопросам субъекта и значения. Перенос на лингвистическую почву проблему пресуппозиции у логика Фреге, Дюкро затрагивал важнейший момент дискурса. Рассматриваемый с точки зрения логики, вопрос о пресуппозиции касался несовершенства естественных языков, в их отношении к референту: определенные конструкции, дозволяемые синтаксисом естественных языков, «предполагают» наличие референта независимо от утверждения субъекта. На основе данного явления Дюкро, с учетом некоторых изменений, предлагает интерпретацию, которую можно было бы определить как логику-прагматическую и которая соединяет определенное прочтение Фреге с отдельными положениями англосаксонской философии, в частности философии Стросона. Элементы пресуппозиции определяют рамку, в которой должен разворачиваться любой диалог. Они занимают место, согласно рассуждениям Дюкро, среди иллокутивных актов, с помощью которых говорящий, используя силовые отношения, образуемые языковой игрой, расставляет ловушку для получателя своей речи. Таким образом, они включаются в теорию речевых актов.

Для Мишеля Пешё и Поля Анри, напротив, вопрос о пресуппозиции касается непосредственно отношений синтаксиса и семантики, он находится именно в той точке, в которой дискурс соединяется с языком. Не имея ничего общего с логистической интерпретацией, синтаксические структуры, допускающие присутствие определенных элементов, вне эксплицитного утверждения субъекта, трактуются как следы предшествующих конструкций, как комбинации языковых элементов, уже сформулированные в прошлых дискурсах и которые в них и черпают свой эффект очевидного присутствия. Исходя из этого, философский и логический термин пресуппозиции должен был быть заменен. Новое понятие преконструкта, не имеющее никакого логического значения, представляло собой переформулирование понятия «пресуппозиция» на основе теории дискурса. Оно позволяло осмыслить и представить понятие интердискурса, которое стало основным концептом всех теоретических положений М. Пешё.

Эти теоретические поиски не были абстрактными, оторванными от жизни; во французской лингвистике на рубеже 70-х годов А.Д. утвердился целиком и полностью. В то время как Пешё оттачивал свой автоматический анализ дискурса, лингвист Жан Дюбуа проводил междисциплинарные исследования политического дискурса. В скором времени А.Д., таким образом, дал название предмету этих двух направлений. Исходила ли исследовательская практика А.Д. от Ж. Дюбуа или от Пешё, она заключалась в наложении методов лингвистического анализа на дискурсный корпус. Использование процедурных методик, называемых харрисовскими, позволяло в обоих случаях перенести «дискурсную

поверхность» на исследовательские антиподы семантической структуры текстов. И так, быстрое развитие анализа дискурса, который может быть определен как «французский», занимало лингвистическое поле в первую половину 70-х годов. В то же самое время это поле стало местом весьма резких теоретических столкновений. Основное расслоение происходило между теми, кто в рамках теории дискурса пытался «соединить» язык, идеологию и дискурс, и теми, кто, будучи близок к социолингвистике, занимался исследованием лингвистического различия разнообразных социальных групп.

В марте 1975 года в статье, написанной совместно с К. Фуке, Пешё продолжил работу над проблемой производства смысла и производства субъекта. «Теория двух забвений» представляла собой попытку поставить данную проблему.

Для выработки ясного концептуального положения оказалось недостаточным введение понятия дискурсивной формации по модели общественной и идеологической формации. Пешё предложил в качестве примера рассмотреть дискурсивные формации, связанные с религиозной идеологией при феодальном способе производства. В тексте, не всегда достаточно ясно отражающем мысль в ее становлении, отдельные ремарки позволяют представить понятие дискурсивной формации. Пешё описывает прекоинструкт как след в самом дискурсе предшествующих дискурсов, поставляющих своего рода «заготовку», «сырье» для дискурсивной формации, с которым для субъекта связан эффект очевидности. И здесь следует установить связь между эффектом субъективности, диктуемым языком, и производством значения внутри дискурсивной формации. Порождение эффекта значения внутри дискурсивной формации приводит к такому положению по отношению к субъекту, которое является главным в рассуждении об иллюзии субъективности, т.е. иллюзии того, что субъект и есть «источник смысла». Это явление будет названо в «Прописных истинах» «эффектом Мюнхгаузена». Оно вызывает необходимость возвращения к лингвистике, а именно к проблеме акта высказывания. Речь идет о феномене прекоинструкта.

Среди лингвистических структур, рассматриваемых в плане прекоинструкта, центральное место в рефлексии о дискурсе стало занимать относительное предложение. Об этом свидетельствует опубликованная в том же номере журнала «Langages» статья Поля Анри «Относительные конструкции как связующие элементы дискурса». Возможность интерпретации отдельных относительных конструкций как детерминативных («определяющих», «выделяющих» объект) или как аппозитивных («добавляющих еще один признак» объекта) свидетельствовала о лингвистическом явлении, находящемся на стыке синтаксиса и семантики. Этот факт побуждал к пересмотру понятия независимости синтаксического уровня, что в свою очередь предварило разработку новой концепции, выдвинутой Пешё уже во введении к указанному сборнику, которую он охарактеризовал следующим образом: «Граница, отделяющая лингвистику от дискурсивности, в ходе любой дискурсивной практики постоянно подвергается пересмотру в силу того, что системные образования, о которых только что шла речь (и в первую очередь синтаксические образования), не существуют в форме однородной совокупности правил, организованных по принципу действия логической машины».

В этом позиция Пешё противопоставлялась эмпирическим интерпретациям высказывания или «антропоцентрическим» концепциям, которые отождествляли языковые отпечатки высказывания с образом субъекта, являющегося для них центром и источником смысла. Все происходит таким образом, как если бы язык сам по себе поставлял элементы, требуемые для создания «необходимой формирующей иллюзии субъекта», и как если бы, добавляет Пешё, критикуя одновременно Балли, Якобсона и

Бенвениста, лингвистические теории должны были бы лишь воспроизводить эту иллюзию. Именно в этом плане следует понимать «теорию двух забвений». Под термином «забвение», который Пешё лишает его психологического значения, понимается иллюзия, образующая эффект смысла, т.е. иллюзия того, что субъект является источником смысла высказывания, «собственного» смысла. В «забвении № 1» субъект «забывает», иначе говоря, отторгает тот факт, что смысл формируется в процессе, являющемся для него внешним: зона «забвения № 1», по определению, оказывается недоступной для субъекта. «Забвение № 2» обозначает зону, в которой субъект акта высказывания приходит в движение, он формирует свое высказывание, устанавливая границы между «высказанным» и отброшенным, «невсказанным». В то время как второе забвение отсылает к механизмам высказывания, анализируемым на поверхности дискурса, первое забвение устанавливает отношение с рядами парафраз, составляющими эффекты смысла. Здесь можно увидеть, каким образом исследование Пеше оставляет позади и ниспровергает теорию высказывания в трактовке Эмиля Бенвениста: для Пешё нельзя сказать всего и никогда не говорится все, что угодно. Формообразующий контур дискурсной формации, ее обрамление и детерминация «не должны ни в коем случае смешиваться с субъективным пространством акта производства высказывания, воображаемым пространством, которое обеспечивает субъекту возможность перемещения внутри системы переформулирования».

«Воображаемое» принимается в данном случае в техническом смысле, восходящем к психоанализу Лакана. И здесь следует отметить все то, чем теория «двух забвений» обязана психоанализу. Это оппозиция двух «забвений» и оппозиция зон, в которых они проявляются: предсознательное для «забвения № 2», бессознательное — для «забвения № 1». В этом проявляется первое соотношение высказывания с воображаемым.

В мае 1975 года выходят в свет «Прописные истины» («Истины Ля Палиса»). Книга написана в форме дерзкой загадки (г-н Ля Палис используется в качестве «покровителя семантиков»), подзаголовок книги — «Лингвистика, семантика, философия». Это — произведение философа, занимающегося лингвистикой.

И вновь отправной точкой книги служит размышление в семантике. Но речь идет о новом взгляде на семантику, который сразу же выступает под знаком очевидности. С первых же страниц книги в ироничном тоне Пешё перечисляет некоторые очевидные истины, составляющие основу семантики: слова имеют значение, различаются имена одушевленные (лица) и имена неодушевленные (вещи), есть понятия субъективного и объективного, эмоционального (риторика) и когнитивного (логика)... Критика семантики носит резкий характер, она основана на двух моментах: 1) семантика является местом скрещения основных противоречий лингвистики (ее направлений, школ и т.д.); 2) семантика служит тем пунктом, в котором лингвистика выходит на философию и на науку об общественных формациях, как правило не признавая этого положения.

Предлагая новое прочтение Фреге, Пешё, в свою очередь, как и Поль Анри, рассматривает в логико-лингвистическом плане вопрос об относительных конструкциях. Новое прочтение основывается на двух фундаментальных для теории дискурса понятиях: понятии преконструкта, о котором мы уже говорили, и понятии стыковки высказываний. Эти ключевые понятия позволяют перейти от логико-лингвистической теории к теории дискурса.

Прекоконструкт связан с функционированием детерминативных относительных предложений; функционирование относительных предложений, называемых изъяснительными, является источником того, что Поль Анри в статье, опубликованной в

журнале «Langages», № 37, и воспроизводимой в данном сборнике, определил как «стыковку высказываний». Текст «Прописных истин» углубляет данный вопрос. Эффект преконструкта, связанный с синтаксическим вставлением, заключается в несовпадении между тем, «что мыслилось до, вне и независимо от данного высказывания, и тем, что содержится в глобальном утверждении данной фразы». Стыковка высказываний, осуществляемая «изъяснительным» относительным предложением, соединяет два утверждения, одним из которых служит «побочное напоминание того, что уж и так известно». Не поддающиеся логико-лингвистическим функционированиям, преконструкт и стыковка высказываний являются результатами собственно дискурсных эффектов. Развиваясь на лингвистической основе, они тем не менее возникли из несовпадения между актуальным дискурсом и дискурсом «уже всегда имеющимся», который предшествует и главенствует над всяким актом высказывания, производимым его субъектом.

В память о «бессмертном бароне, который поднимался в воздух, вытягивая себя за свои собственные волосы», Пешё иронически назвал субъективную иллюзию, этот эффект субъекта, «эффектом Мюнхгаузена». Для Пешё псевдоочевидность значения неразрывно связана с псевдоочевидностью субъекта (вновь тема смерти субъекта). В основе рассуждений Пешё содержится, таким образом, аналогия между идеологией и бессознательным. Идеология и бессознательное имеют общую способность «скрывать собственное существование непосредственно внутри своего функционирования, вплетая его в ткань из субъективных очевидных истин».

М. Пешё, будучи философом, близким Альтюссеру, поднял в своей книге вопросы, до того неизвестные лингвистам. «Эффектом Мюнхгаузена» он назвал опасность рассмотрения «субъекта дискурса в качестве источника субъекта дискурса» и создания тем самым рефлексии по кругу. Понятию прозрачности, которая на самом деле является иллюзорной, Пешё противопоставил то, что он назвал «материальным характером смысла»: так же как и субъект дискурса, смысл не является фиксированным данным. Значение и субъект, по мнению М. Пешё, производятся в истории, иначе говоря, они детерминированы. Из этого вырабатывается понятие интердискурса.

Дискурс всегда соотносится с «уже сказанным» и «уже услышанным». Все исследования преконструкта, проводимые совместно с Полем Анри, показывали присутствие в любом дискурсе следов дискурсных элементов предшествующих дискурсов, субъекты которых забыты. Эти исследования сформировали идею о том, что дискурс составляется из элементов уже существующих; таким образом, они сформировали понятие интердискурса, «материальная объективность [...] которого заключается в том, что "оно говорит" всегда "до, вне и независимо" (от конкретного высказывания)». Но интердискурс не является ни банальным обозначением дискурсов, которые существовали раньше, ни общей для всех дискурсов идеей. Вопреки этой наивно единодушно принимаемой концепции интердискурс представляет собой дискурсное и идеологическое пространство, в котором разворачиваются дискурсные формации с их отношениями господства, подчинения и противоречия. Он освещает то, что подсказывается опытом: в политической борьбе, например, нельзя выбрать свое собственное поле деятельности, свои собственные темы и даже свои собственные слова.

Понятие «дискурсная формация» было использовано впервые М. Фуко в 1969 году в «Археологии знания». Пешё заимствовал это понятие, чтобы соотнести его с альтюссерскими терминами «общественная формация» и «идеологическая формация». В работе Пешё и его коллег данное понятие формулируется как более жесткое, чем, например, понятие «дискурсная практика». Связанная с идеологией «дискурсная формация» целиком определяется историческими условиями. Дискурсная формация

базируется на силовых отношениях и принадлежит определенной конъюнктуре; она, таким образом, не поддается типологическому рассмотрению. Текст «Прописных истин» восстанавливает первоначальную дефиницию: дискурсной формацией называется «то, что может и должно быть сказано (в форме торжественной речи, проповеди, памфлета, программы и т.д.) в определенной идеологической формации. Понятие обращения с одной стороны, и разработка понятия интердискурса — с другой, приводят к пересмотру концепта «дискурсной формации». В связи с понятием «обращение» выдвигается тезис о становлении смысла внутри дискурсной формации; понятие «интердискурса» делает акцент на понятиях неравенства, противоречия и подчинения и тем самым отодвигает опасность таксономической классификации. С этого момента Пешё начинает говорить о «вплетении» дискурсных формаций в идеологические формации. Из такого рассуждения рождается очень важная мысль о непрременной гетерогенности дискурсных формаций.

Разработка понятия интердискурса оказывается решающей и для определения субъекта. Механизм, описанный Пешё, определяет очевидность смысла для субъекта дискурса. «Отличительной чертой любой дискурсной формации является свойство, которое позволяет скрывать за прозрачностью образуемого в ней смысла материальную противоречивую объективность интердискурса». Интердискурс, вплетаясь в комплекс идеологических формаций, «сообщает каждому субъекту свою "реальность" в качестве системы очевидных истин, а также воспринятых, допущенных и испытанных на себе значений». Интердискурс детерминирует субъекта, «навязывая и одновременно скрывая его подчинение под видимостью независимости».

Таким образом вырабатывается теория дискурса. Она приводит к рассмотрению дискурсных свойств формы-субъекта. «Обращение индивида в субъекта своего дискурса осуществляется путем идентификации (субъекта) в дискурсной формации, доминирующей над ним (т.е. формации, в которой он формируется в качестве субъекта): эта идентификация, образующая (воображаемое) единство субъекта, основывается на том, что элементы интердискурса, формирующие в дискурсе субъекта черты, которые его определяют, вписаны непосредственно в сам данный дискурс». Наряду с концептами «преконструкта» и «стыковки» (или «опорного процесса») возникает понятие «поперечный дискурс», который «осуществляет синтагматические связи» между субституируемыми элементами.

В «Прописных истинах» вводится еще одно фундаментальное понятие. Имеется в виду «интрадискурс», определяемый как «функционирование дискурса по отношению к нему самому (то, что я говорю теперь, по отношению к тому, что я говорил раньше, и к тому, что я скажу позже), т.е. совокупность явлений "коррелации", которые обеспечивают то, что можно назвать "нитью дискурса", рассматриваемого в качестве дискурса субъекта». Интрадискурс может быть понят только в соотношении с интердискурсом. Интрадискурс не указывает на эмпирическую реальность дискурсной цепи. Он осуществляет концептуальное начало этой реальности. Интрадискурс мыслится как пространство, в котором форма-субъект забывает, что в ее дискурсе присутствует интердискурс.

«Прописные истины» публикуются в исторически важный для интеллектуальной и политической жизни Франции момент: это поворотный момент развития теоретической мысли, приведший к становлению новой парадигмы.

В семинаре, проводимом Пешё совместно с Полем Анри и Мишелем Плоном в 1976—1979 годы, обсуждались вопросы, находящиеся на стыке языка, психоанализа и политики. Дискуссии по преимуществу касались лингвистики, ее истории и ее кризиса,

приближение которого ощущалось в то время. В 1977 году Пешё выступил с докладом на тему: «Есть ли для лингвистики другой путь, кроме логистического и крайне социологического?» Естественно, что путь, по которому Пешё предлагал вести исследования, пролегал между двумя рифмами — рифмом «логистики» и рифмом «социологизма», — это был путь «дискурса». Доклад вызвал бурное обсуждение. Он содержал в своей основе анализ «кризиса лингвистики» — к тому времени данный термин начинал укореняться и вокруг него начинали вырисовываться основные расслоения в среде «марксистских» лингвистов. Анализ кризиса лингвистики обнажил расхождения по проблемам языка и субъекта. То, что формальная лингвистика подошла к концу своего пути, то, что назревал конец структурализма, его завершение, столь часто оплакиваемое, но наступившее, — все это не вызывало особых сожалений у французских лингвистов марксистского толка, ориентированных на «социальную» лингвистику. Пешё, напротив, хотя и анализировал угрозу, которую представлял для синтаксиса формалистский наплыв, тем не менее характеризовал изобилие социолингвистических исследований как непосредственный симптом кризиса. В это время в журнале «Dialectique» (№ 20, июнь 1977 г.) появилась провокационная статья Франсуазы Гаде «Социолингвистики не существует, я ее встретила». Для Франсуазы Гаде, как и для Пешё, социолингвистика является «местом, в котором психология скрывает, покрывает собой политику», местом, в котором постоянно используются «очевидные истины», некогда развенчанные Пешё: индивидуальный и коллективный субъект, межсубъектная коммуникация... Пешё всегда также отказывался помещать А. Д., инициатором которого он являлся, в рамки социолингвистики.

В 1978 году на семинаре Пешё состоялись дебаты, которые особенно ярко осветили размежевания внутри А.Д. во Франции. Разногласия возникли по поводу советского лингвиста В.Н. Волошинова, книга которого «Марксизм и философия языка» в это время была переведена на французский язык.

Приведем в этой связи некоторые необходимые уточнения, касающиеся истории знакомства с этой книгой во Франции. В 1968 году в статье под названием «Слово, диалог и роман» (воспроизведена в 1969 году в «Recherches pour une Sémantologie») Юлия Кристева впервые знакомит французских читателей с Бахтиным; это первое знакомство происходит главным образом на почве литературы, семиотики литературы и в различных сферах значимой практической деятельности, где семиотика релевантна. В 1968 г. Ролан Барт публикует в журнале «Langages» (№ 12), озаглавленном «Лингвистика и литература», статью Бахтина «Высказывание в романе». На рубеже 80-х годов начинается второй период в открытии творчества Бахтина—Волошинова, сопровождаемый много численными переводами и исследованиями (Ts. Todorov. Mikhail Bakhtine. Le principe dialogique, 1981), а также умножение ссылок на него в различных областях науки, в частности лингвистики. Статья Жаклин Отье-Ревю, публикуемая в настоящем сборнике, дает представление об этом периоде открытия во Франции многогранного творчества М. Бахтина. Следует отметить, однако, что восприятие Бахтина и Волошинова французскими читателями 70-х годов, пронизанными идеями Бенвениста (теория высказывания) и Лакана (теория психоанализа), значительным образом отличалось от их восприятия в СССР и в означенное время; и в более позднюю эпоху.

Книга, изданная в Ленинграде в 1929 году и долгое время не переиздававшаяся в СССР, получила известность во Франции после 1972 года благодаря переводу с английского языка, предпринятому по инициативе Р. Якобсона. В связи с появлением книги социолингвист-марксист Бернар Гарден на семинаре М. Пешё представляет доклад на тему «Читать Волошинова», в котором выражает надежду, что чтение Волошинова позволит осуществить тот самый «эпистемологический перелом», о котором так часто

говорилось в связи с работой Соссюра. «Скажем со всей прямоотой, — утверждает он, — что теперь нужно будет исходить из Волошинова». Книга Волошинова оказалась в центре проблем, обсуждаемых марксистскими лингвистами во Франции. В ней анализировалось отношение между языком и идеологией, а языковой знак уподоблялся идеологическому объекту. Как известно, В.Н. Волошинов пытался представить единство языка в рамках классовой борьбы и ставил перед марксистской теорией задачу исследования идеологических явлений путем исследования форм языка и дискурса. Дебаты, возникшие на семинаре Пешё, показали, какое значение приобретал В.Н. Волошинов, зачастую смешиваемый с М. Бахтиным, для развития лингвистики во Франции. Однако для Пешё, который в книге «*La langue introuvable*» («Неуловимый язык»), написанной в соавторстве Франсуазой Гаде в 1981 году, подчеркивал близость теории Волошинова с социальной психологией Плеханова, Волошинов не мог служить ориентиром. Правда, Волошинов придерживается критического подхода к социальной психологии: он доказывал, что «социальная психология» в случае ее отделения от речевого взаимодействия, т.е. взаимодействия людей посредством слов, рискует быть связанной с метафизическими и мифическими понятиями «коллективной души» или «духа народа», которые уже со времен романтизма и славянофильства имели определенный успех в русской культуре. Для Пешё работа «Марксизм и философия языка» являлась шагом назад, а не перспективой, открывающейся перед лингвистами, занимающимися отношением «язык и общество», в силу расхождения по главному вопросу — вопросу о Соссюре и о языке. Критикой «абстрактного объективизма» Соссюра Волошинов, по мнению Пешё, уничтожил значимость самого языка: противопоставляя «абстрактной системе языковых форм» Соссюра «общественное явление взаимодействия людей посредством слов, реализуемое в высказывании в широком смысле и в конкретных высказываниях», Волошинов как бы ведет к растворению лингвистики в более широком пространстве семиологии.

Таким образом, для Пешё подлинный эпистемологический перелом, которому, как известно, постоянно угрожает затухание, по-прежнему связан с Соссюром. Вокруг соссюрского перелома завязываются отношения между формальным и субъективным в лингвистике; эта же дихотомия определяет возможность осмысления особенности субъекта в языке, равно как и стыковку между языком и бессознательным.

Разногласия по поводу Волошинова выявили антагонизм, который уже давно имел место между различными течениями А.Д. Они показали отличие А.Д. Пешё от других направлений, свойственных социологии языка. В этих направлениях преобладало тяготение к Волошинову, тяготение, которое позволяло вернуться к «отрыву языка от социального»; оно предполагало глобальный обзор языковых явлений — их производство, их динамику, их смысловые эффекты — через призму общественной формации. Социология языка, как мы видим, была далека от направления М. Пешё, который стремился выстроить «дискурс» как объект науки. Поворот в теоретико-политических дебатах, происходящих между лингвистами, занимающимися А.Д., позволяет, таким образом, понять скрывающиеся за этими дебатами положения собственно теоретического характера. Политика долгое время смешивала карты, она служила связующим звеном для многих представителей интеллигенции, ставших коммунистами и перешедших «на позиции рабочего класса». Все подлежало перераспределению ввиду изменения политической и теоретической ситуации. Одни лингвисты марксистского толка во имя марксизма готовы были пойти по пути, открытому Волошиновым в 1929 году. Позже, в конце 70-х годов, они любопытным образом, если принять во внимание фундаментальное различие исходных точек, сблизилась с англосаксонской философией и прагматикой. Это уже тогда стало называться «взаимодействием», «диалогизмом». Пешё, однако, в это время уже стремился отделиться от прагматической проблематики: для него и для близких

ему коллег вопрос смысла не мог быть решен и в сфере межличностных отношений; не мог он быть решен и в сфере общественных отношений, рассматриваемых в плане взаимодействия между разными социальными группами.

Постепенно вопрос об определении границ дискурсных формаций начал вызывать трудности. Дискурсная формация не менее, чем идеологическая формация, не могла мыслиться как «целостный блок». Эта формация оказывалась «делимой», нетождественной самой себе. Такие рассуждения позволяли представить в новом свете проблему доминируемых идеологий. В противовес традиционной концепции, которая противопоставляла доминирующую и доминируемую идеологии, устанавливая между ними отношение внешнего характера, Пешё делал акцент на «внутреннем доминировании» доминирующей идеологии по отношению к доминируемой идеологии. Пешё выражал тем самым в абстрактной форме мысль о том, что внутри самого дискурса доминируемой идеологии, в самом способе его организации следует читать характер ее идеологического доминирования.

Пешё скончался в 1983 году. В предлагаемом сборнике содержится ряд статей с близким его идеям содержанием.

А.Д. СЕГОДНЯ

В настоящее время идея дискурса получила на Западе широкое распространение в трудах историков. Положение о том, что тексты не служат простыми инструментами для изучения событий, а сами являются событиями, получает все большее признание. Многие историки проводят исследования непосредственно на материале языка, открывая тем самым для себя такую область реальности, которая до сих пор от них ускользала. Доказательством тому служит, например, недавняя книга Жака Рансьера «*les mots de l'histoire*» («Слова истории»), вышедшая в 1992 году. В гуманитарных науках Франции отныне укоренилась, став центральной и устойчивой, мысль о непрозрачности языка, и эта непрозрачность отнюдь не является недостатком, а *prigoi* подлежащим уничтожению; напротив, эта непрозрачность служит непосредственной составляющей всякой языковой деятельности.

Таким образом, в А.Д. произошло размежевание, но он сохранил свою изначальную связь с материальностью языка. Сфера действия А.Д. теперь расширилась, так как он соединился с другими направлениями, которым, как и ему, свойственно особое внимание к специфическим особенностям текстов. А.Д. разработал новый, свободный подход к материалу, способность прочитывать тексты, «зная, что читаешь», способность, позволяющую не стать жертвой иллюзии прозрачности, непосредственности и очевидности смысла. За пределами легких, доступных, не вызывающих споров способов описания универсальных семантик и лексических семантик, внутренне присущих системе определенного языка, А.Д. учит нас, что слова могут изменять значение в соответствии с позициями, занимаемыми теми, кто их употребляет.

Мы надеемся, что А.Д. найдет в России позитивный отклик. Время для этого, во всяком случае, весьма благоприятное.

Во-первых, появилась возможность начать диалог между русской и французской научными культурами, которые достаточно различны, чтобы поучиться друг у друга, и достаточно близки, чтобы суметь понять друг друга.

Во-вторых, преодолевая проклятия и ностальгические сожаления, следует заново пересмотреть политический дискурс советской эпохи. Материал для исследования огромен — речь идет о полном объеме исторической памяти за семьдесят последних лет. Этот материал ждет новых методов исследования.

Но исследователей ожидает и новое пространство исследования. Необходимо выяснить, существовало ли специфическое отношение между языком и политикой в такой стране, как Советский Союз. Является ли модель «новояза» Дж. Оруэлла, языка ухищрений и лжи, достаточной для того, чтобы составить представление о поведении получателей политического дискурса? Может ли упрощенная концепция «дискурса, говорящего о вещах, которых не существует», дать представление о столь длительном существовании определенной политической системы, каковой являлся детский строй?

И наконец, следует рассмотреть дискурсы новой эпохи, открывшейся в посткоммунистической России. Способы анализа, предлагаемые в данном сборнике, не являются панацеей, они должны быть приспособлены к особой дискурсной ситуации, сложившейся в современной России. Можно быть, однако, уверенным в том, что указанные способы позволят обрести необходимую отстраненность от сложной ситуации, которая еще ожидает детального анализа.

1995